

3. Бабаева Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград Перемена, 2003.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
6. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблематике концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
7. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
8. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СЛЯ. 1993. Т. 52, 1.
10. Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. Л.: Наука, 1987.
11. Скредина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. М.: Высшая школа, 2001.
12. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2001а.
14. Фрумкина Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Изв. АН СЛЯ. Т. 58. 1999.

Н.Ю. Белькова
г. Иркутск

**Метафорические бленды в теории концептуальной интеграции
Ж. Фоконье и М. Тернера**

The article is dealing with the mechanism of creating metaphor from the point of view of the theory of conceptual integration. A particular emphasis is laid on the comparison of G. Lakoff and M. Johnson's theory of conceptual metaphor and G. Fauconnier and M. Turner's theory of conceptual integration.

В настоящее время метафора является предметом изучения когнитивной лингвистики как средство выражения нового знания. В данной статье мы хотим подчеркнуть, что метафора является одним из средств языкового творчества. Такой подход к изучению метафоры предпринимается с позиций теории концептуальной интеграции. Вслед за О. К. Ирисхановой мы рассматриваем свойство концептуальной интеграции в качестве глубинного когнитивного механизма лингвокреативной деятельности, под которой понимается способность человека творчески конструировать и интегрировать различные ментальные образования в режиме реального речевого общения (Ирисханова, 2004: 15).

Теория концептуальной интеграции Жюль Фоконье и Марка Тернера, получившая широкое распространение в зарубежной лингвистике, является одним из направлений когнитивной лингвистики, которое исследует пути и способы конструирования языкового значения. Данная теория рассматривает порождение и восприятие дискурса как процесс последовательного развертывания ментальных пространств (Ирисханова, 2001). Согласно Ж.Фоконье, ментальные пространства представляют собой небольшие концептуальные области (packets), которые конструируются в процессе мышления и говорения и создаются в целях локализованного (local) понимания и действия (Fauconnier, 1985). В теории ментальных пространств языковые выражения – это инструкции, которые позволяют осуществлять ментальное конструирование реальных, гипотетических или вымышленных ситуаций (сюжетов книг, кинофильмов). Следовательно, ментальное пространство представляет собой не абстрактный домен, а сценарий конкретной ситуации и является моделью дискурсивного понимания. Ментальные пространства создаются и изменяются непосредственно в процессе коммуникации и обладают большой гибкостью. Это их свойство полностью отражает особенности человеческого общения и поэтому позволяет более адекватно моделировать процесс восприятия речи.

Ментальные пространства являются когнитивными по своей природе и не имеют онтологического статуса вне человеческого сознания. Они структурируются фреймами и когнитивными моделями, которые представлены в долговременной памяти, тогда как областью их функционирования является оперативная память, в которой ментальные пространства конструируются и видоизменяются по мере того, как изменяется мысль и разворачивается дискурс. При этом одно ментальное пространство может быть структурировано знаниями, которые принадлежат к различным концептуальным доменам. Например, ментальное пространство, в котором *ту*

father's next door buying my books может включать знания из таких концептуальных областей, как *reading, buying and selling, social conversation in public places* и т.п.

Как мы уже отметили, согласно теории Ж. Фоконье, ментальные пространства строятся в оперативной памяти, но они могут закрепиться в долговременной памяти. Например, фреймы – это закрепленные в долговременной памяти ментальные пространства, которые мы можем активировать одновременно. В дискурсе фреймы заполняются конкретными ролями (roles) и свойствами (values) объектов. Например, в предложении *His school books were very interesting* роль «school books» конкретизируется свойством «very interesting».

В процессе порождения и восприятия дискурса постоянно изменяющиеся ментальные пространства могут быть связаны между собой различными типами связей: временными, пространственными, гипотетическими, идентификационными, контрфактуальными, причинно-следственными, аналогической и метафорической проекцией, метонимическим переносом и др. Эти разнообразные связи объединяют ментальные пространства в гибкие конфигурации и обеспечивают свободный доступ ко всем пространствам, позволяя произвести необходимые изменения в дискурсе в любой момент.

В процессе анализа различных типов взаимодействия ментальных пространств Ж. Фоконье преобразовал теорию ментальных пространств в теорию концептуальной интеграции как глубинного семантического процесса. Эта теория разрабатывается Ж. Фоконье в соавторстве с американским литературоведом М. Тернером (Fauconnier, 1998, Fauconnier and Turner, 1996). Сейчас слияние ментальных пространств применяется к самому широкому кругу языковых и внеязыковых процессов: к семантике лексических единиц, синтаксических конструкций, грамматических явлений, фразеологизмов, построению художественных текстов, рекламе, различным стилистическим приемам, юмору, эмоциям, концептуализации, категоризации, метафоре и метонимии и т.д. Из отдельной когнитивной операции слияние ментальных пространств превратилось в общий принцип когниции – принцип концептуальной интеграции («Blending is Everywhere!»). Многие американские когнитивисты придают порождению интегрированных пространств статус глубинной операции, которая обладает универсальной объяснительной силой для всех когнитивных процессов (Ирисханова, 2001).

Концептуальная интеграция определяется авторами как базовая когнитивная операция, лежащая в основе способности человека к рассуждению, умозаключению, оценке, принятию решения, изобретению и т.д., обладающая динамизмом и гибкостью, совершающаяся быстро и неосознанно (Fauconnier, 2000). По мере развертывания дискурса в результате слияния ментальных пространств возникают интегрированные пространства – blends (более подробно о термине blend см.: Рахилина 2000: 375). Интегрированные пространства, являясь неделимым структурным целым, дают возможность реконструировать из связи с исходными ментальными пространствами.

Процесс концептуальной интеграции в случае метафоры приводит к тому, что образованный метафорический бленд обладает своим собственным новым значением и, наследуя от исходных ментальных пространств определенные черты, развивает свою собственную идентичность. Так, Ж. Фоконье приводит в качестве примера высказывание *This surgeon is a butcher*, которое представляет собой бленд двух исходных пространств: пространства «хирурга» и пространства «мясника». В метафорическом бленде возникает новый признак *некомпетентность*. Рассмотрим, например:

Nature to him was an open book whose letters he could read without effort (BNC/www).

Это высказывание представляет собой бленд как результат проекции двух исходных пространств: пространства «природы» и пространства «книги». Бленд наследует некоторые элементы структуры каждого из пространств: из первого заимствуется «природа» и ее «исследователь», а также деятельность исследователя – «изучение», из второго – роль «книги» и «читателя» и его деятельность – «чтение». Выборочность отображения приводит к тому, что в бленде возникает новый признак «понятный, легкий для изучения», которого нет ни в одном из исходных пространств (предполагается, что явления природы скорее являются сложными для изучения, а типичная книга – это объект не изучения, а чтения и интерпретации). Появление в бленде нового значения можно объяснить так: из пространства «книги» наследуется связь между действием и результатом – прочитать книгу и понять ее содержание, а из пространства «природы» – изучить природу и понять ее устройство. В структуре бленда имеются «природа»,

«исследователь» и «книга», но «исследователь» выступает в роли «читателя», а «природа» выполняет роль «книги» с соответствующими действиями, целью и результатом.

Рассматривая метафору с позиций концептуальной интеграции, мы считаем необходимым подчеркнуть несколько важных отличий данного подхода от теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. По мнению последних авторов, процесс метафоризации основан на взаимодействии двух структур знания – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain), когда один предмет или явление осмысливается на основе другого предмета или явления, благодаря наличию общих признаков. Устойчивые соответствия между когнитивными структурами источника и цели принято называть концептуальными метафорами (Лакофф, Джонсон, 2004). В теории концептуальной интеграции метафора представлена как взаимодействие ментальных пространств «здесь и сейчас», которые отличаются от концептуальной области, так как структурируются непосредственно в дискурсе и представляют собой сценарий определенной ситуации и, следовательно, являются временными образованиями. Хотя постепенно интегрированные ментальные пространства могут превратиться в привычные бленды.

В теории концептуальной метафоры постулируется принцип «однонаправленности метафорической проекции, согласно которому, между источником и целью устанавливается односторонняя связь, что позволяет понимать более абстрактные сущности в терминах более конкретных и более структурированных сущностей. Но данный принцип не всегда соответствует действительности (Баранов, 2004: 10). В ходе нашего исследования мы также встретили противоречащие примеры. Так, в метафоре BOOK IS A PERSON источником переосмысления выступает концепт ЧЕЛОВЕК, который вряд ли является более конкретным, чем концепт КНИГА. Например: (1) *I found Burns, absorbed, silent, abstracted from all round her by the companionship of a book, which she read ...* (Bronte: 76); (2) *He threw the book down and walked over it and went out to the cricket. And he hated books as if they were his enemies* (Lawrence: 11).

В примере (1) выражение *companionship of a book* показывает, что книга представлена в роли «друга». Пример (2), напротив, иллюстрирует отрицательные эмоции. Мальчик ненавидит книги как врагов – *he hated books as if they were his enemies*.

Более того, существует и метафора PERSON IS A BOOK с обратным вектором метафорической проекции. Например:

(1) *It was a very touch-and-go business, in 1955, to get a wholly plausible reading from Mrs. Glass's face, and especially from her enormous blue eyes* (BNC/www); (2) *The strange boy's eyes seemed to penetrate so deeply into Willie's that he felt sure he could read his thoughts* (BNC/www); (3) *I matter so much and my feelings are so important that you are able to read my mind* (BNC/www); (4) *Mavis is going to read my hand* (BNC/www).

Уникальность значения бленда или эмерджентность находит объяснение только в теории концептуальной интеграции. Следующий пример, на наш взгляд, очень хорошо иллюстрирует появление в бленде нового значения:

«I love reading all our favourites,» said Kari. «I can't wait to dive into Jane Austen again» (Landvik 2005:8).

В этом примере представлены два исходных пространства: пространство «погружение в воду» и пространство «книга». Из первого исходного пространства бленд наследует роль «ныряющего человека» и «водоем», а из второго роль «читателя» и «книги». В результате выборочной проекции в бленде возникает новый признак – «книга как иная среда, в которую человек погружается» (причем в данном случае с целью получения удовольствия, на что указывает выражение *I can't wait*). Этого признака нет в исходных ментальных пространствах, он появляется в результате интеграции ментальных пространств непосредственно в дискурсе.

Итак, мы можем сделать вывод, что в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальная метафора рассматривается как устоявшийся, общепринятый способ переосмысления одних сущностей в терминах других, тогда как теория концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье рассматривает механизм порождения значения как непосредственный творческий акт.

Литература

1. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: почти 25 лет спустя / А.Н. Баранов // предисл. к книге Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7-21.
  2. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции / О.К. Ирисханова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60. – № 3. – С. 44-49.
  3. Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена / О.К. Ирисханова. – М.: Издательство ВТИИ, 2004. – 352 с.
  4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер с англ / Дж. Лакофф, М. Джонсон / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004. – 256 с.
  5. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
  6. Fauconnier G. Mental spaces / G. Fauconnier. – Cambridge, 1985. – 210 p.
  7. Fauconnier G. Mental spaces, language modalities, and conceptual integration / G. Fauconnier // The new psychology of language: Cognitive and Functional approaches to Language Structure / Ed. By M. Tomasello. – Lawrence Erlbaum, 1998. – P. 133-183.
  8. Fauconnier G. Blending as a central process of grammar / G. Fauconnier, M. Turner // Conceptual Structure, Discourse, and Language / Ed. By Adele Goldberg / – Stanford: CSLI Publications, 1996 / – P. 113-129.
  9. Fauconnier G. Compression and global insight / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics. – 2000. Vol.11 – P. 283-304.
- Список источников иллюстративного материала*
1. Bronte – Bronte Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1952. – 568 p.
  2. Landvik – Landvik L. Angry Housewives Eating Bon Bons / L. Landvik. – New York: The Random House Publishing Group, 2005. – 483 p.
  3. Lawrence – Lawrence D.H. The Rainbow / D.H. Lawrence. – England: Wordsworth Editions Limited, 1995. – 418 p.
  4. BCN/www – Поисковая система Интернет British National Corpus // <http://thetis.bl.uk/lookup.html>

Л.Б. Ябжанова
г. Улан-Удэ

**Зоонимы во фразеологических единицах, характеризующих
умственные способности человека (на материале английского языка)**

The article deals with zoonemes as imaginative component of idioms, characterizing human mental abilities.

Фразеологические единицы (ФЕ) входят в сферу человеческой семантики, все их значения ориентированы на человека и отражают взаимодействие человека и мира, которое проявляется как в чувственном восприятии, так и в оценочном отношении человека к миру. Почти все проявления жизни человека, его рождение, смерть, особенности характера, возраста, внешнего облика, умственной деятельности, профессиональные качества и т.д. находят отражение во фразеологии любого языка.

Человек может сам быть объектом восприятия, номинации и дескрипции средствами других кодов, среди которых наиболее продуктивным оказываются растительный и животный.

Метафоричность зооморфных фразеологизмов, присущая им субъективно-оценочная коннотация, специфика их семантических параметров и синтаксической структуры во многом обусловлены их референциальной сферой, основу которой составляет имплицитно выраженный в них антропоцентризм как проявление древней фольклорной традиции приписывания животным определенных черт человеческого характера. В этнокультуре разных народов фразеологизмы, включающие названия животных, – это, в первую очередь, высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах.

В данной статье мы рассмотрим фразеологизмы, выражающие умственные характеристики человека, с зооморфной составляющей.

В ходе работы мы выявили 42 ФЕ с зоонимами, которые условно можно разделить на три фразеосемантические группы (ФСГ): *ум, глупость, безумие*. Следует отметить, что данная группа ФЕ представлена фразеологическими сращениями или идиомами (5), фразеологическими единствами (34) и пословицами (3). 15 из них – компаративные ФЕ.

ФЕ, относящиеся к ФСГ «ум», можно разделить на следующие подгруппы: *ум, смекалка, опыт, мудрость, хорошая память, образованность*.